

В просторной столовой компании переговаривались новобранцы. Одни оказались здесь, поддавшись на уговоры и заманчивые обещания, другие — просто от безысходности: распределения после учебы они так и не дождались, а если кому-то что-то и предлагали, то в такие глухие места, что ехать туда не хотелось.

— Моему однокашнику по распределению досталось место на текстильной фабрике в одном уездном городке, — негромко делился один из парней. — Как же мы все тогда ему завидовали! И что думаете? На днях жаловался: зарплаты уже несколько месяцев не видать. Взрослый лоб, а до сих пор у родителей деньги кланчит, чтобы с голоду не помереть. Стыдоба...

— Да ладно тебе! — недоверчиво хмыкнул его сосед. — Это же государственное предприятие, а не шарашкина контора. Не могут они людей без куска хлеба оставить. Я сам-то сюда пошел лишь потому, что других вариантов не подвернулось, а так-то «железная чашка риса» надежнее.

— Зуб даю, не вру! — горячился первый. — Если у фабрики убытки одни, откуда деньгам взяться? С неба они, что ли, упадут?

— Эх, времена нынче другие пошли, — вздохнул кто-то третий.

— Да бросьте, государство рабочий класс в обиду не даст, — упрямо возразил парень в застиранной рубашке. — Пролетариат у нас — гегемон, основа общества. Мои старики сейчас как раз обивают пороги, ищут связи. Как только выгорит местечко на госпредприятии, я отсюда сразу расчет заберу.

— Так ты, выходит, у нас временно пригрелся? — удивленно приподнял брови сосед.

— Тише ты! — заговорщически шикнул тот и торопливо огляделся по сторонам. — А ты как думал? Была бы возможность пристроиться к «железной чашке риса», стал бы я на этого частного батрачить? Тьфу! Здесь же чистой воды эксплуатация. Пашешь как проклятый, а платят по выработке. Людей на сорта делят — кто больше принес, тому и куш жирнее.

— Твоя правда, — согласился собеседник. — Частник сегодня есть, а завтра прогорел. Куда ему до государственных заводов? Там у рабочих и квартиры казенные, и место свое сыну или дочке по наследству передать можно. Работай себе спокойно — завод тебя до самой гробовой доски обеспечит.

— А по мне, так нормальная у нас контора, — подал голос парень, сидевший на краю скамьи. — Слыхали, кто наш хозяин? Он же из Пекинского университета! Диплом престижнейший, его бы в любом министерстве с руками оторвали. А он взял и откликнулся на призыв к реформам, решил двигать экономику вперед. Государству не обуза, еще и налоги платит. Смелый мужик, уважаю. Да и какая разница, на кого пахать, если за это нормально платят?

— Ну и дурак же ты, — хмыкнул парень, мечтающий о госслужбе. — В хорошем ведомстве и

паяк, и почет. Людям в глаза смотреть не стыдно, когда спрашивают, где трудишься. А у нас что? Да даже на захудалом заводе работяге со временем квартиру дадут. А здесь? Хоть до седьмого пота корячься, жильем тебя никто не обеспечит.

Гоудань и Чжан Хэн обедали за соседним столиком, скрытые от говорливых новичков массивной несущей колонной. Они расслышали разговор до последнего слова. Чжан Хэн то и дело боязливо косился на лицо начальника, силясь угадать его реакцию, однако тот продолжал невозмутимо орудовать палочками. Скорость, с которой пустела его тарелка, ничуть не изменилась — казалось, Гоудань попросту пропустил чужую болтовню мимо ушей.

Чжан Хэн не на шутку тревожился, как бы хозяин не затаил обиду. Надо же было такому случиться: Гоудань раз в сто лет выбрался пообедать в общую столовую — и тут же наткнулся на собственных сотрудников, перебивающих ему кости! Ну и везение.

Впрочем, Хэн ловил себя на мысли, что с каждым днем уважает своего молодого босса все сильнее. Мальчишка совсем, а ума, хладнокровия и рассудительности ему не занимать. Развернуть такое масштабное дело за считанные годы — на это заурядный человек никогда бы не решился. Сам Чжан Хэн пришел под его начало простым демобилизованным солдатом без гроша за душой и каких-либо перспектив. А теперь? Обзавелся собственной квартирой в столице, перевез из провинции жену с ребенком.

Нынче он один полностью содержал семью, пока супруга преспокойно занималась домом и воспитанием первенца. Раньше о подобном достатке он и мечтать не смел. Гоудань платил щедро — но только тем, кто действительно пахал. Бездельников и прихлебателей, не приносящих фирме выгоды, этот парень у себя не терпел и выставлял без лишних сантиментов.

Бывшие сослуживцы Чжан Хэна локти кусали от зависти. Взять хотя бы Лао Гао, которого Хэн по старой дружбе пристроил к Гоуданю личным шофером. Тот совмещал обязанности водителя и телохранителя, получал баснословные по меркам обычных работяг деньги — это вам не ворота на проходной караулить и не мешки на горбу таскать. Да и сам босс нравом обладал спокойным, дурных привычек не имел, так что служба у него была не пыльной, а главное — безопасной.

Свяжись они с какими-нибудь теневыми дельцами — беды бы не оберешься. Пришлось бы лезть в криминал, рисковать головой, а в случае чего и под пули вместо хозяина ложиться. А сейчас, когда вся страна перешла на рельсы рыночной экономики, даже наверху открыто заявляли: «Неважно, черная кошка или белая, лишь бы ловила мышей».

Умному человеку этих слов было вполне достаточно, чтобы понять, куда дует ветер.

Конечно, работа на бандитов сулила шальные деньги, но и платить за них приходилось постоянным страхом за собственную шкуру. Демобилизованные военные для криминальных авторитетов всегда были лакомым куском: отличная физподготовка, дисциплина, привычка беспрекословно подчиняться приказам и командный дух.

До Хэна доходили слухи о ребятах из их полка, которые сгинули в бандитских разборках. Какая нелепая, глупая смерть — уцелеть на службе родине, чтобы сложить голову за чужие кошельки... Но винить их трудно. Каким бы бравым и гордым ты ни был в казарме, оказавшись на гражданке без гроша и работы, волей-неволей согнет в дугу элементарный голод.

— О чем задумался? Доедай давай, остынет же, — Гоудань легонько постучал костяшками по столу, выводя помощника из оцепенения. Тот застыл с поднятыми палочками уже минуты на три. — Случилось чего? Проблемы какие-то?

— А? Нет-нет, ничего, — торопливо замахал руками Чжан Хэн, поспешно утыкаясь в пиалу с рисом. — Просто... наслушался этих охламонов и вспомнил, как сам впервые к вам пришел. Кто бы мог подумать, что мы так круто развернемся.

— То-то и оно, — усмехнулся Гоудань. — Будете работать на совесть — и сами в люди выбьетесь, и компанию поднимете.

В последнее время ему так часто приходилось вербовать новых специалистов и толкать воодушевляющие речи, что лозунги про «общее дело» и «светлое будущее» соскакивали с языка сами собой, на автопилоте.

Гоудань прекрасно понимал: переманивать толковые кадры из госсектора — задача не из легких. Какими бы убыточными ни становились казенные заводы, люди до последнего будут цепляться за насиженные места, стиснув зубы.

Старое мышление ломалось со скрипом. Впрочем, за последние годы его собственная фирма успела взрастить неплохой костяк. Гоудань не жалел средств: отправлял перспективных сотрудников на курсы повышения квалификации, которые вели преподаватели ведущих вузов, оплачивал бизнес-семинары. Кое-кто из этих выдвиженцев уже вовсю приносил пользу, но масштабы бизнеса росли куда стремительнее, чем созревали новые кадры.

«Хэдхантинг — лишь временная мера, — рассуждал про себя Гоудань. — Костяк должны составлять свои, выращенные в этих стенах люди. У них и преданность делу совсем иная, и чувство причастности к общему успеху».

Сейчас его предприятие переживало период бурного, почти агрессивного роста. Гоудань крутился как белка в колесе, засыпая и просыпаясь с мыслями о делах, но баснословные прибыли искупали любую усталость. Это была сладкая каторга.

Законы и постановления правительства менялись стремительно, и ветер дул прямо в паруса частного сектора. Консерваторы старой закалки взирали на происходящее с ужасом и трепетом. Мир менялся на глазах, подтверждая старую истину: нет ничего более постоянного, чем перемены.

Первые звоночки уже прозвенели: в некоторых провинциях выпускников средних специальных

учебных заведений по ряду специальностей перестали распределять централизованно. В ответ абитуриенты лавиной хлынули на педагогические факультеты — там государство пока еще гарантировало трудоустройство после выпуска.

С тех пор как восстановили систему единых госэкзаменов, кадровый голод в стране постепенно сошел на нет. С каждым годом вузы и техникумы выпускали все больше молодых специалистов, спрос начал отставать от предложения. На рынке труда образовался избыток рабочих рук. Кого устраивать в теплые государственные кабинеты, а кого оставлять за бортом? Этот вопрос становился для чиновников все большей головной болью.

Гоудань предвидел, что недалек тот день, когда распределение отменят вовсе — сперва для средних специальных заведений, затем для техникумов и обычных провинциальных вузов, а там и до полной ликвидации этой архаичной системы дойдет.

Он мысленно усмехнулся собственной дерзости. Наверное, все же перегибает. Выпускников ключевых столичных университетов государство наверняка продолжит распределять вручную — ценными кадрами никто разбрасываться не станет.

Но для его бизнеса грядущие реформы открывали невиданные горизонты. Можно будет без труда нанимать лучших из лучших, а там, глядишь, и специалисты с зарубежными дипломами подтянутся. Ну а пока следовало провести ревизию в собственных рядах и выставить за дверь тех лоботрясов, кто устроился в «Триумф» пересидеть трудные времена, используя компанию как временный трамплин.

Чэн Шу, бесследно пропавший три года назад, возник перед Гоуданем столь внезапно, что у того глаза на лоб полезли.

— Ах ты прохвост! — воскликнул Гоудань, вскакивая из-за стола. — Нашелся-таки! Ну и ну, изменился-то как — родная мать не узнает!

Чэн Шу изрядно почернел от загара, раздался в плечах и так заматерел, что казался высеченным из камня. Когда он широко улыбался, на его темном лице ослепительно сверкали зубы. Но главное — от него теперь веяло такой тяжелой, хищной силой, что по коже невольно пробегал мороз.

Было ясно как день: эти три года для Чэн Шу не прошли даром. Гоудань шагнул навстречу, крепко, по-мужски обнял старого товарища и в шутливой манере стукнул его кулаком в грудь.

— Ну и броня у тебя теперь. Железо!

— А то! — хохотнул Чэн Шу. — А вот ты сдал, приятель. Помню, мой дядя, глядя на твою прыть

и силищу, рвался забрать тебя к себе в спецназ, а сейчас... Ты пузом мягким, что ли, обзавелся? Давно на тренировки забиваешь?

— Да иди ты! — беззлобно огрызнулся Гоудань. — Я в отличной форме. А похудел просто от вечной беготни. Тренировки я не забрасывал ни на день, так что силенкой мы еще потягаемся, помани мое слово.

Чэн Шу лишь усмехнулся. Он прекрасно помнил, какими дикими скоростями и звериной мощью обладал Гоудань. Дрался тот всегда без всяких правил, грязно и хаотично, но каждый удар выходил сокрушительным. И все же сам Чэн Шу за эти три года тоже коечему научился. Было бы любопытно сойтись с приятелем в спарринге.

— Как-нибудь при случае разомнем кости, — подмигнул Чэн Шу. Он огляделся по сторонам, изучая просторный кабинет. — А ты времени даром не терял, Ли Кай. Какую махину отгрохал! Ну и хоромы. Если вспомнить ту конуру под лестницей, где мы ютились в самом начале, — небо и земля. Не гремело бы сейчас имя «Триумфа» на весь город, я бы вас ни за что не отыскал.

— И поделом бы тебе было, — фыркнул Гоудань. — Пропал на три года, ни слуху ни духу! А кабинет этот... Да, большой, да только толку от него мало. Одно хвастовство для солидности перед клиентами. Я здесь почти не бываю, все на объектах. Опоздай ты на полчаса — и разминулись бы.

— Опять куда-то мчишься? — поинтересовался Чэн Шу.

— Мы же с группой компаний «Голубой щит» совместными усилиями торговый центр отстроили. В конце прошлого года запустили проект. Поначалу дела шли туго, покупателей было раз-два и обчелся, а сейчас народ повалил, жизнь кипит. Давай перекусим побыстрее, я тебя туда свожу, сам все увидишь.

— О как? — приподнял брови Чэн Шу. — Тот самый парень из семьи Янь подсобил?

— Он самый, — подтвердил Гоудань. — В одиночку нам такой финансовый объем было не потянуть, вот и пришлось привлечь крупного инвестора.

Гоудань не стал расспрашивать Чэн Шу о причинах его долгого отсутствия и о том, где его носило — если бы тот мог рассказать, сам бы выложил. Разговор плавно перетек на дела насущные и на общих знакомых, чьи судьбы за эти годы тоже изрядно изменились.

— Кстати, у Янь Дунсюя дочка родилась, в прошлом месяце на праздновании тридцати дней со дня рождения гуляли, — поделился Гоудань. Дунсюй не пошел по стопам родных в армию и коммерцией заниматься не стал, выбрав стезю государственного служащего, однако старых связей не рвал и охотно поддерживал общение.

— Надо же, остепенился, — улыбнулся Чэн Шу. — И как он, возмужал?

— Еще бы, — хмыкнул Гоудань. — В его уезде с экономикой совсем глухо было, вот он и из кожи вон лез, чтобы заманить хоть какого-нибудь инвестора. Чуть на удочку к мошенникам из Тайваня не попался. Благо позвал меня на ужин — мол, приезжай, познакомлю с солидными господами из Гонконга и Тайбэя. Ты же понимаешь, среди этой братии кого только нет. Одни — реальные промышленники с капиталом и планами на наш рынок, а другие — обычные проходимцы с фирмами-однодневками, которые только и умеют, что пыль в глаза пускать да казенные кредиты разворовывать.

— По стране уже прокатилась волна подобных скандалов, кучу уездных администраций обули на круглые суммы. Правда, в прессу эти дела не пускают, чтобы панику не сеять, но ущерб казне нанесен колоссальный. Дунсуй тогда перепугался до полусмерти — чуть карьеру себе под корень не срубил. С тех пор дует на воду. Как намечаются очередные переговоры, он меня волочет с собой в качестве эксперта.

Чэн Шу весело хмыкнул:

— Ну, если у кого-то хватает ума держать тебя под рукой, обвести его вокруг пальца будет задачей не из легких. Ты же у нас тертый калач.

— Не преувеличивай, — отмахнулся Гоудань. — Я обычный человек и тоже могу ошибиться, особенно в тех сферах, где мало что смыслу. Но привычка перепроверять каждого встречного через три канала всегда выручает. Да и чиновники наши умнеют на глазах. Прошли те времена, когда перед любым заезжим гостем с чемоданом долларов расстилали ковровую дорожку и раздавали налоговые льготы направо и налево.

— И то верно, — кивнул Чэн Шу. — Наш огромный рынок — это золотая жила. Пусть сами локти кусают и просят к нам, а не наоборот.

— В теории оно так, — вздохнул Гоудань. — Но на местах чиновникам до смерти хочется выслужиться перед начальством и показать красивую статистику. Вот они и хватаются за любые призрачные шансы. К тому же, хоть наши частные предприятия давно окрепли и приносят солидный доход, государственные преференции все равно охотнее отдают компаниям с иностранным капиталом. Дискриминация, чтоб ее.

— Это временно, — лаконично бросил Чэн Шу.

Его былая веселость и разговорчивость бесследно растворились в прожитых годах. Каждое слово он теперь взвешивал, предпочитая слушать и наблюдать.

Гоудань махнул рукой, увлекая друга за собой на выход. На стоянке они подошли к презентабельному черному автомобилю. Увидев за рулем незнакомого крепкого мужчину, Чэн Шу на секунду замер, оценивая его профессиональным взглядом, а затем спокойно опустился

на заднее сиденье рядом с Гоуданем.

<http://bllate.org/book/19654/1996854>